

Используя преимущества такого подхода к цивилизационному выбору мы сможем приблизить себя к странам представителями других культур при этом не теряя своей самобытности, что отвечает стремлению Украины к многовекторности своей внешней политики, главным приоритетом которой является содействие развитию национальной экономики в условиях глобализации посредством обеспечения равноправных позиций страны в системе мирохозяйственных связей.

Далеко не претендуя на полный перечень факторов нашего прогресса, особо хотел бы обратить внимание на необходимость наведения порядка в государстве, ужесточение борьбы с коррупцией, *всестороннее развитие науки и образования, особенно нужно делать ставку на развитие наукоемких технологий*. Стыдно сказать, но сейчас в Украине ученый получает зарплату в 5–10 раз ниже рабочего, который строит виллу для олигарха.

Но самое главное нужно формировать у людей потребность в духовности и нравственности.

Чтобы этого достичь нам в первую очередь нужно сформировать плеяду моральных авторитетов, которые и должны стать арбитрами, которые способны сказать на плохое – плохо, а на хорошее – хорошо, и что самое важное, которым поверят граждане Украины. Именно по реакции этих авторитетов мы должны формировать свое отношение к тем или иным политическим событиям или деятелям. Нация больна. И нация нуждается в лечении. Лечение путем наведения элементарного порядка. Хотя бы такого как в России.

Сегодня Украина который раз стоит перед необходимостью своего выбора, выбора судьбоносного, ибо он определит вектор нашего развития как минимум на десятилетия. И этот выбор должен быть осознанным.

*Архиереев С. И.
г. Харьков, Украина*

СТАРЕЙШИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ – ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Университеты являются гражданским общественным институтом в наибольшей степени поддерживающими традиции. Пожалуй, большую степень преемственности, правда, в совершенно иной сфере, могут продемонстрировать лишь традиционные церковные организации. Их преимущество, по нашему мнению, связано с преемственностью традиций не в рамках отдельной обособленной единицы – общины, а всей церковной организации в целом.

Этого обстоятельства как раз не хватает для полноценной преемственности старейших университетов Украины. Каждый из них делает самостоятельные попытки поддерживать преемственность (хотя, по нашему мнению, их совершенно недостаточно), но в обществе в целом такой механизм фактически отсутствует. В то же время в других странах действуют объединения университетов, способствующие сохранению традиций в каждом из них благодаря формированию *единого пространства исторической преемственности*.

Так, в Великобритании неформально существует группа Старинные университеты, в которую входят: Оксфордский университет – 1117, Кембриджский университет –

1209, Сент-Эндрюсский университет – 1410, Университет Глазго – 1451, Университет Абердина – 1495, Эдинбургский университет – 1582, Дублинский университет – 1592.

К неформальной группе университетов из красного кирпича относятся: Манчестерский университет – 1851, Бирмингемский университет – 1900, Ливерпульский университет – 1903, Лидский университет – 1904, Шеффилдский университет – 1905, Бристольский университет – 1909.

Кстати «Краснокирпичный стиль» был широко распространён во времена правления Александра Третьего, когда был открыт Харьковский технологический институт, старые корпуса которого построены именно в этом стиле.

Группа Рассел формально учреждена в 1994 с тем, чтобы представлять интересы крупнейших университетов-членов перед правительством, парламентом и другими influentialными органами Британии. С теми же целями в том же году создана Группа 1994, в которую вошли преимущественно, созданные позднее университеты из листового стекла.

В Австралии с 1999г. действует объединение старейших университетов-«Группа восьми» лоббирующая интересы входящих в неё университетов. Неформально существует группа старейших университетов – т.н. Песчаные университеты: Университет Сиднея – 1850, Университет Мельбурна – 1853, Университет Аделаиды – 1874, Университет Тасмании – 1890, Университет Квинсленда – 1909, Университет Западной Австралии – 1911.

В США, термин Лига плюща часто используется в отношении восьми американских университетов как единой группы. Он подразумевает исключительность в качестве образования, избирательность при поступлении и принадлежность выпускников к социальной элите.

Университетов-членов Лиги восемь: Гарвардский университет – 1636, Йельский университет – 1701, Пенсильванский университет – 1740, Принстонский университет – 1746, Колумбийский университет – 1754, Брауновский университет – 1764, Дартмутский колледж – 1769, Корнелльский университет – 1865.

Таким образом, формирование групп университетов происходит в значительной степени в соответствии с историей их образования, что обусловлено близостью традиций в университетах, сформированных в одну эпоху. Этот принцип поддерживает сохранение преемственности и его имеет смысл применить его и в Украине.

Для Украины было бы целесообразно создать *свою Лигу плюща* с целью поддержания традиций старейших университетов и представления их интересов перед общественностью и органами государственной власти. Ее целесообразно создать в виде *общественной организации университетов, основанных ранее 20 в.* и существовавших с периода основания без существенных перерывов. Фактически таких ВУЗов на Украине порядка десяти, и НТУ ХПИ безусловно входит в их число. Их ядро составляют классические и политехнические университеты:

1. Львовский университет – 1661.
2. Харьковский университет – 1805.
3. Киевский университет – 1834.
4. Львовский политехнический институт – 1844.
5. Новороссийский университет в Одессе – 1865.
6. Черновицкий университет – 1874.
7. Харьковский технологический институт – 1885.
8. Киевский политехнический институт – 1898.

Возможно объединение в виде Лиги плюща названных восьми вузов, но в этом случае критерии отбора должны исключать узкоспециальные ВУЗы, среди которых

первым заслушивает быть названным Харьковский ветеринарный институт (1851). В тоже время приписывают себе более ранние годы основания чуть ли не более 100 украинских вузов, ссылаясь на происхождение от других ВУЗов, существование в далеком прошлом ВУЗов с подобным названием (преемственность с которыми напрочь утеряна), или приводя дату основания учебного заведения, которое вообще не носило характер высшего. Поэтому старейшие университеты заинтересованы в отстаивании своего приоритета и поддержат данную инициативу, т.к. в Украине только создание официального объединения может подтвердить их статус по сравнению с остальными.

Создание общественного объединения придаст больший вес входящим в него ВУЗам и даст возможность высказывать свое консолидированное мнение даже в полемике с министерством. Также это будет способствовать привлечению абитуриентов. (Члены Лиги плюща могут рассчитывать на использование ее символики в целях рекламы.)

Единственным спорным моментом является наличие в перечне как классических, так и политехнических ВУЗов. Однако, как легко можно заметить, большинство университетов и политехникумов Украины учреждалось примерно в один исторический период, а сегодня все они получили статус исследовательских.

Кроме того, по нашему мнению, должны быть учтены тенденции развития технических ВУЗов стран с наиболее развитым университетским образованием. Практически во всех странах они характеризуются расширением числа непрофильных для технического ВУЗа специальностей.

В США к примеру наиболее известный Массачусетский технологический институт расширил свою первоначальную специализацию за счет биологии, экономики, лингвистики, политологии и менеджмента. Такое же положение наблюдается и в менее известных технических ВУЗах США.

В Германии почти все технические университеты имеют факультеты экономики и менеджмента, и в значительном числе случаев – факультеты гуманитарных и социальных наук. Более того, не менее трех технических ВУЗов вообще имеют в своем составе медицинские факультеты. Поэтому неудивительно, что два из 17 немецких технических университета не имеют слова «технический» в своем названии. Это Штутгартский университет и Ганноверский университет имени Лейбница. Три других бывших технических университета приблизились к классическим. Это университеты Дуйсбурга-Эссена, Ростока и хорошо известный в Украине, в частности, благодаря длительному сотрудничеству с НТУ ХПИ, Магдебургский университет имени Отто фон Герике.

Еще более радикально к проблеме подобного ребрендинга подошла Англия, в которой 20 лет назад все политехникумы получили статус и название университетов без указания на их технический характер. Это и понятно, учитывая широкую специализацию этих ВУЗов. К примеру, ведущий свое происхождение от Северного политехнического института Лондонский городской университет, который не является исключением из общего правила, имеет в своем составе факультеты социальных наук, права, психологии, школы экономики и искусства, на фоне которых подразделения компьютерных наук и полимеров уже не выглядят единственными профилирующими.

Таким образом, в мире наблюдаются разные тенденции относительно сохранения или упразднения в названии ссылки на технический характер университета. Однако дублирование такой ссылки в названии, например, в сочетании технический и политехнический вряд ли рационально. В связи с получением НТУ ХПИ статуса исследовательского было бы целесообразно закрепить это обстоятельство в его названии – НДУ (*дослідницький*) «ХПИ», как это сделали некоторые российские ВУЗы, к примеру, Национальный исследовательский университет (Белгородский Государственный университет) «Высшая школа экономики».

Это отразило бы суть НТУ «ХПИ» как современного исследовательского университета, осуществляющего междисциплинарную интеграцию знаний, которая делает невозможной существование изолированного технического образования, не подкрепленного значительным числом социальных и, в первую очередь, экономических дисциплин. Современный исследовательский университет представляет собой комплекс, возникший на основе политехнического образования, но сегодня включающий наряду с областями, обеспечивающими технический прогресс, также преподавание дисциплин, отражающих влияние достигнутого прогресса на экономику производства.

В практическом плане это направлено на преодоление подхода, согласно которому экономические и некоторые другие специальности являются для *исследовательских политехнических университетов* непрофильными. На сегодня это неверно, т.к. эти университеты сегодня являются *политехникумами нового, универсального типа*, обеспечивающим производство полным комплексом необходимых специалистов, лишь часть которых составляют носители технических знаний. В связи с этим для *исследовательских политехнических университетов* целесообразно вернуть госзаказ, в частности по практическим экономическим специальностям, ошибочно признанными непрофильными, на уровень 2008 г. Это будет лишь признанием существующей близости старейших технических университетов с современными классическими университетами.

Последние в современных условиях революционных изменений на производстве также испытывают определенные изменения, не характерные для них в прошлом. Во многих классических ВУЗах возникают технологические факультеты, в качестве примера могут быть приведены австрийские университеты Линца, Инсбрука и Клагенфурта (тесно сотрудничающий с НТУ «ХПИ»), или чешские университеты Западной Богемии, Пардубице и Усти-на-Лабее.

Таким образом, *конвергенция* технических и классических университетов представляет собой двухсторонний процесс, в результате которого структура университетов приобретает больше черт подобия. Различия сохраняются не столько между университетами, сколько между специальностями, часть которых по-прежнему требует более практического подхода.

Во всяком случае, между классическими и политехническими университетами Украины, представленными в списке предлагаемой общественной организации, различия гораздо менее весомы, чем то, что их объединяет – наличие исторической преемственности на протяжении более 100 лет. С учетом этого обстоятельства, особую важность приобретает отражение исторических корней в титульном названии ВУЗа.

Пример успешного, выражаясь современным языком, ребрендинга университета демонстрирует Харьковский национальный университет, которому имя его основателя – В. Н. Каразина присвоено лишь в 1999 году, вместе с наделением университета статусом «национального».

Всего лишь за несколько лет имя В. Н. Каразина, ранее известное преимущественно только выпускникам ХГУ или узкому кругу специалистов, стало популярным не только среди всех харьковчан, но и далеко за пределами города. Таким образом, с одной стороны, университет поддержал сохранение памяти своего основателя и его популярности. С другой стороны, имя основателя сегодня превратилось в бренд, приносящий университету дополнительный имидж и способствующий повышению его престижа. Самым распространенным в обиходе названием сегодня является университет Каразина, точно так же как университет Шевченко, Франко, Федьковича или Мечникова. Это связано с наличием в каждом крупном городе Украины множества ВУЗов, имеющих ныне статус университета.

По нашему мнению стратегией переименования с присвоением имени, с целью увековечивания памяти своего основателя – *В. Л. Кирпичова*, мог бы воспользоваться и НТУ «ХПИ». Эта задача не терпит отлагательства, так как на это имя может претендовать и НТУУ КПИ, по отношению к которому В. Л. Кирпичов сыграл аналогичную роль. Однако это произошло значительно позднее и имело существенно меньшую продолжительность, в связи, с чем ХПИ имеет безусловное преимущество в данном вопросе, которое, однако, может быть утеряно в соперничестве со столичным ВУЗом, находящимся и в прямом и в переносном смысле, ближе к власти преобладающим.

Новое название «*Національний дослідницький університет імені В. Л. Кирпичова (ХПИ)*» только в первые пару лет потребует ссылок на старое название, но уже через несколько лет оно получит самостоятельную известность, а в скоро само начнет работать на престиж ВУЗа. В этом смысле положительную роль переходного бренда сыграло действующее название НТУ «ХПИ».

Естественно дело не только и не столько в названии, сколько в сопровождающих его реальных переменах, без которых ребрендинг теряет всякий смысл. Сопровождающее реальные перемены предлагаемое переименование может решить все основные задачи ребрендинга. Прежде всего, это *усиление бренда* вследствие ссылки на исследовательский характер ВУЗа (естественно подкрепляемое реальными изменениями) и заботу о поддержании на его исторической преемственности. Во-вторых, это *увеличение целевой аудитории* в виде студентов, обучающихся не по инженерным специальностям, для которых ссылка на технический характер ВУЗа может служить сдерживающим фактором.

Важность такого *репозиционирования* трудно переоценить в свете той популярности, которую продолжают сохранять экономические и гуманитарные специальности. Кроме того, репозиционирование важно и с административной точки зрения, чтобы преодолеть представления министерства о ХПИ, как о чисто техническом ВУЗе с соответствующими последствиями в виде формирования госзаказа. Наконец, за счет присвоения имени основателя – *В. Л. Кирпичова*, однозначно произойдет *усиление уникальности* бренда, за счет его дифференциации от схожих названий типа НТУУ КПИ. Таким образом, ребрендинг может стать важной составляющей комплекса мер по совершенствованию имиджа университета, которые создадут необходимые условия для вступления в ассоциацию старейших университетов Украины в качестве полноправного члена или даже одного из ее учредителей.

*Беспалов С. В.
г. Москва, Россия*

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО КРИЗИСА

Беспримерная кризисная ситуация, в которой оказались все страны постсоветского пространства, включая Россию, начиная со второй половины 2008 г., разумеется, во многих отношениях усложнила планирование и осуществление российской политики по отношению к странам ближнего зарубежья. Однако, как нам представляется, глобальный кризис и уже проявившиеся (в разной степени) его последствия открывают и

новые возможности политики России на пространстве СНГ вследствие целого ряда обстоятельств. Отметим лишь некоторые:

1) дискредитация неолиберальной модели экономического развития, казавшейся до недавнего времени политическими – особенно – интеллектуальным элитам новых независимых государств наиболее привлекательной;

2) наметившийся кризис западно-центричной модели глобализации;

3) сокращение финансирования (как внешнего, так и внутреннего) националистических сил в странах СНГ;

4) дискредитация в глазах населения националистических элит и движений, суливших своим гражданам скорое процветание в случае выбора модели развития, предполагавшей максимальное отчуждение от России; кризис доверия к националистическим режимам и начало переосмысления гражданами итогов их политики;

5) снижение активности западных и прозападных сетевых структур, действующих в новых независимых государствах;

6) как следствие в ряде стран ближнего зарубежья налицо рост влияния политических сил и движений, ориентированных на сближение с Российской Федерацией.

Наряду с этим, в условиях резкого сокращения притока западных капиталов в экономики новых независимых государств и «преддефолтного» состояния, в котором оказались некоторые правительства, возможности России как потенциального кредитора этих стран, способного увязывать предоставление финансовых ресурсов с корректировкой как внешней, так и внутренней политики постсоветских режимов, возрастают многократно. Разумеется, финансовые резервы самой России отнюдь небезграничны, и в ближайшие месяцы, а, возможно, и годы будет происходить их дальнейшее сокращение. Однако средства, способные оказать существенное или даже определяющее влияние на экономическую ситуацию в ряде стран ближнего зарубежья, настолько мизерны сравнительно с масштабами уже осуществлённых (заметим – далеко не всегда с должным эффектом) и планируемых вливаний в российскую экономику, что представившейся уникальной возможностью кардинально усилить влияние России на соседние страны воспользоваться необходимо.

В 2009 складывалось впечатление, что Россия (в отличие от Китая и некоторых других стран) восприняла кризис исключительно как угрозу, но не как открывающийся перед ней спектр новых возможностей. Однако в условиях затягивания кризиса и определённой адаптации (пусть и не слишком быстрой) российской элиты к новой ситуации, с одной стороны, и в результате произошедших на Украине после избрания нового Президента изменений, с другой стороны, весной 2010 г. политика России на постсоветском пространстве заметно активизировалась. Важнейшим результатом стал пакет заключённых в Харькове российско-украинских соглашений (которые, впрочем, вопреки ожиданиям российских властей, не получили должного развития; как следствие – новый раунд обострения отношений Украины и России в 2011 г.). Однако экономические и традиционные геополитические инструменты влияния могут и должны быть подкреплены активными действиями на других направлениях.

После событий 2008 г., когда «нижняя точка» в отношениях России с Западом была очевидным образом пройдена и стороны перестали испытывать друг друга «на прочность», а в ещё большей степени – после избрания В. Януковича Президентом Украины, острота противостояния существенно снизилась, однако говорить о принципиальном изменении характера межгосударственных отношений на постсоветском пространстве пока преждевременно. Несмотря на отмеченное выше появление у России определённого «окна возможностей» в проведении более активной политики на пост-

советском пространстве, нам представляется, что встречающиеся в последнее время утверждения о том, что Запад надолго утратил интерес к государствам, возникшим на территории бывшего СССР, являются явным преувеличением. Действительно, внимание американской дипломатии сконцентрировано сейчас прежде всего на ближневосточных событиях, а Евросоюз всерьёз и надолго увяз в своих внутренних проблемах. Однако рассчитывать на то, что США вовсе выпустят из поля зрения события на постсоветском пространстве и не сделают всё возможное, чтобы закрепить достигнутые в минувшие 20 лет успехи, не приходится, памятуя о «тотальном» характере американской внешней политики (как с точки зрения арсенала используемых инструментов, так и в плане географического охвата). Что же касается Европейского Союза, то для его руководящих органов в нынешней ситуации особенно важно продемонстрировать единство действий ЕС хоть на каких-то направлениях; политика в отношении России, судя по всему, представляется евробюрократии одним из эффективных способов обеспечения такой консолидации. Не будем также забывать об озабоченности руководства ЕС диверсификацией источников энергоснабжения Европы, что, с точки зрения Европейской комиссии, подразумевает противодействие интеграционным процессам на пространстве бывшего СССР.

В сложившейся ситуации возможности России оказывать влияние на страны ближнего зарубежья, а также перспективы политической, военной и экономической интеграции на постсоветском пространстве с участием России будут определяться не только традиционными геополитическими факторами, не только способностью России и в дальнейшем поддерживать более или менее дружественные себе режимы в отдельных странах СНГ, не только результатом усилий РФ, направленных на урегулирование ряда региональных конфликтов, но и – не в последнюю очередь – отношением к России и её политике граждан стран СНГ. В свою очередь, проведение политики, направленной на формирование позитивного образа нашей страны у граждан стран ближнего зарубежья, должно стать одной из важнейших составляющих внешнеполитического курса РФ по отношению к этим странам. Ведь, несмотря на то, что геополитическая конкуренция не носит, в отличие от периода холодной войны, характера идеологического противостояния двух систем, внешнеполитическая пропаганда и публичная дипломатия играют и сегодня далеко не последнюю роль.

Итак, опыт минувшего десятилетия свидетельствует о том, что России необходимо активнее использовать гуманитарные технологии воздействия на процессы, политику, общественное мнение стран ближнего зарубежья, используя разнообразные инструменты, эффективность которых доказана событиями последнего времени (поддержка дружественных СМИ, предоставление грантов некоммерческим организациям, возможность бесплатного обучения и переподготовки в России граждан стран СНГ и т.д.). Это является и необходимым условием выполнения важнейшей задачи – формирования позитивного образа России в странах ближнего зарубежья.

В теории и практике международных отношений вопросы субъективного восприятия стран давно уже перестали считаться второстепенными [3]. Необходимость использования этого ресурса в последние годы осознана и российской элитой. Однако, если формированию позитивного образа России в странах Европы и США уделяется в последние годы значительное внимание, то улучшение имиджа страны в общественном мнении государств ближнего зарубежья пока не осознано и не артикулировано российской элитой в качестве приоритетной задачи, несмотря на то, что именно в отношениях с новыми независимыми государствами «отдача» от такой политики может быть максимальной при относительно небольших затратах.

Особенности информационного противоборства в современном мире обуславливают необходимость решения ряда задач в целях проведения эффективной политики на постсоветском пространстве, направленной на улучшение имиджа России.

Прежде всего, России в своей внешнеполитической практике следует учитывать новые возможности, предоставляемые системами электронной коммуникации и сетевыми технологиями. Значимость этих факторов демонстрируют, в частности, феномены «цветных» революций, не последнюю роль в организации которых сыграли новые сетевые технологии.

Контроль российского государства над каналами коммуникаций, включая международные, должен соответствовать стандартам постиндустриального общества. России следует предпринять все возможные усилия для создания авторитетных в мире и – особенно – в постсоветском регионе источниками информации: телеканалами (сопоставимыми с «Аль-Джазирой», которой удалось буквально за несколько лет приобрести колоссальное влияние) и авторитетными Интернет-изданиями. Необходимо предоставление всем желающим максимально широкой информации обо всех аспектах внешней политики России в исчерпывающем объеме, – лишь в этих условиях возможно эффективное использование инструментов информационной политики.

Борьба между глобализацией и ее альтернативами в различных формах разворачивается и на постсоветском пространстве. При этом идеология глобализма выступает, прежде всего, в форме ориентации постсоветских элит на евроатлантическое пространство. В этом плане она противоречит интересам России. В противостоянии с носителями глобалистской идеологии эффективным будет подчеркивание внутренних противоречий в содержании этой идеологии и методах ее реализации. В то же время следует помнить о том, что и ускоренное построение элитами постсоветских государств новых национальных идентичностей (по понятным причинам формирующихся, главным образом, явно на антироссийской основе) не отвечает российским национальным интересам [1, С. 32–40].

Если формированию позитивного образа России в странах Европы и США уделяется в последние годы значительное внимание, то улучшение имиджа страны в общественном мнении государств ближнего зарубежья пока не осознано и не артикулировано российской элитой в качестве приоритетной задачи, несмотря на то, что именно в отношениях с новыми независимыми государствами «отдача» от такой политики может быть максимальной при относительно небольших затратах.

Обеспечение экономической интеграции справедливо провозглашается российской элитой в качестве приоритетной задачи российской политики на постсоветском пространстве. При этом следует отметить, что всевозможные проекты экономической интеграции стран постсоветского пространства без участия России являются достаточно искусственными, и потому их жизнеспособность весьма сомнительна; издержки от их реализации объективно могут оказаться большими, чем выгоды от сотрудничества. Как отмечает П. Бурмистров, «у бывших советских республик настолько разные экономические интересы, что если согласовать их на двустороннем уровне еще как-то можно, то даже четыре стороны уже образуют слишком неповоротливую и негибкую структуру. Подписание любого практического соглашения в торгово-экономической сфере наталкивается на слишком большое количество поправок и оговорок каждой из сторон. Это приводит к выхолащиванию эффективности соглашения, поскольку исключений становится едва ли не больше, чем правил». Это связано с крайне низкой конкурентоспособностью большинства отраслей экономик постсоветских государств, которые не могут эффективно функционировать в отсутствии таможенной защиты, что предопределяет достаточно высокий уровень государственного протекционизма; имен-

но он во многом препятствует реальной экономической интеграции. К тому же большинство стран СНГ имеют одну или несколько системообразующих отраслей, которые они стремятся защитить от международной конкуренции мерами тарифного или нетарифного ограничения во избежание серьезного ущерба для национальной экономики. «Посему эти страны не готовы отказываться от существующих ограничений, согласование, снижение и, в конечном итоге, снятие которых и является основной целью региональных интеграционных группировок» [2, С. 41–42]; в полной мере это было характерно, например, для блока ГУАМ. А без налаживания эффективного экономического взаимодействия подобные группировки обречены оставаться неустойчивыми и, в известной мере, искусственными образованиями, не имеющими шансов трансформироваться в сколь-нибудь успешные интеграционные структуры.

Однако ситуация становится принципиально иной, когда речь идет об экономических интеграционных проектах с участием России. Принимая во внимание масштаб российской экономики, а также то очевидное обстоятельство, что именно РФ являлась сердцевинной единого народнохозяйственного комплекса бывшего СССР, присовокупив сохраняющийся, несмотря на увеличение за последние полтора десятилетия сырьевой составляющей экономики России, серьезный научно-технический потенциал и неплохие перспективы развития целого ряда несырьевых отраслей, очевидный прогресс российской банковской системы, углубление многостороннего экономического сотрудничества при участии России объективно способно оказаться взаимовыгодным. Позиции России усиливает также и то, что именно ее автомобильные и железные дороги, а также система трубопроводов являются основой единой транспортной системы, созданной в советский период. Поэтому стремление РФ стать локомотивом процесса экономической интеграции вполне закономерно.

Определенные успехи в этом направлении в последние годы достигнуты, прежде всего, по линии ЕврАзЭС, Таможенного союза; наиболее же значимыми событиями стали подписание 9 декабря 2010 года Россией, Казахстаном и Белоруссией 17 документов по созданию Единого экономического пространства, а также достигнутые в октябре 2011 г. соглашения о создании Зоны свободной торговли, объединяющей большинство государств СНГ, и, наконец, сделанные в ноябре 2011 г. первые шаги в направлении создания Евразийского союза России, Белоруссии и Казахстана. Прогрессируют по некоторым направлениям экономические отношения России и с иными странами ближнего зарубежья, включая Украину. В любом случае в процессе возможной интеграции (и/или реинтеграции) естественные преимущества России не реализуются сами по себе. Отметим, что, наряду с продуманным внешнеэкономическим курсом, важную роль в современном экономическом взаимодействии опять же играет репутация страны, которая в известной степени влияет и на то, насколько охотно власти стран ближнего зарубежья допускают российские компании на свои рынки; на то, будут ли для российского бизнеса создаваться некие (пусть и неформализованные) преференции, будут ли обеспечены как минимум равноправные с западными компаниями условия, или же российский бизнес будет подвергаться более или менее очевидной дискриминации, как это происходило на протяжении ряда лет в странах Центрально-Восточной Европы, Казахстане, Азербайджане и т.д.

Для продвижения интересов РФ на постсоветском пространстве и, в то же время, для обеспечения благоприятных условий проникновения российского бизнеса на рынки стран СНГ необходимо, чтобы крупнейшие российские компании теснейшим образом координировали свои действия с государством (в т.ч. и с внешнеполитическим ведомством и подразделениями Администрации Президента, ответственными за политику на

постсоветском пространстве), не допуская проведения крупными российскими корпорациями собственной «внешней политики», идущей вразрез с государственными интересами. Государство, в свою очередь, должно обеспечивать должную поддержку деятельности российских государственных корпораций и крупных частных компаний, включающую как административное, так и имиджевое содействие; при этом в большинстве случаев *пресекать публичную демонстрацию силы бизнес-структурами* и, в целом, препятствовать формированию представления о России как стране, чья политика, в особенности экономическая, на постсоветском пространстве носит сугубо эгоистический характер, поскольку это крайне негативно воспринимается общественным мнением стран ближнего (и не только ближнего) зарубежья.

Список литературы: 1. Беспалов С. В., Власов А. В. и др. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. М., 2007. 2. Бурмистров П.. Постсоветский фантом. Стоит ли России опасаться ГУАМ // Политический журнал. 2006. № 2 (97). 3. Казанцев А. А., Меркушев В. Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» / А. А. Казанцев, В. Н. Меркушев // Полис. 2008. № 2.

*Бобр А. М., Новиков В. Т.
г. Минск, Республика Беларусь*

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Восточнославянский мир – особая цивилизация, существование которой в мировой истории неоднократно ставилось под сомнение и которой в современном общественном процессе, осуществляющемся по сценарию глобализма, отводится место периферии. Осознание этого факта порождает у восточнославянских народов потребность в изменении стратегии глобализации, которая учитывала бы традиционные для них ценности и идеалы.

Данное обстоятельство актуализирует такую проблему социальной философии как проблема сохранения культурной и религиозно-конфессиональной идентичности. Для ее адекватной интерпретации необходимо рассмотреть историю становления цивилизационных общностей. В Новое время человек западноевропейской цивилизации идентифицировал себя в качестве, прежде всего, представителя белой расы, определенного этноса, христианина, гражданина государства и члена гражданского общества. При этом в индустриальном обществе Запада складывание цивилизационных общностей с характерными для них образом жизни и культурой происходило двумя основными путями.

Первая модель – «плавильного тигля», характерна для стран, в возникновении и развитии которых, решающее значение имела массовая эмиграция людей. В них процесс интеграции представителей различных этносов сопровождался социально-культурной «переплавкой», приведшей к образованию новых политических наций, квалифицируемых как народы США, Канады, Австралии. Их возникновение могло включать элементы насилия и миссионерства в отношении местного населения (например, американских индейцев и австралийских аборигенов), но, в целом, происходило мирным и эволюционным путем. В итоге эти новообразования, не отменяя этническое многообразие этих обществ, способствовали их объединению в рамках «политической нации».